А. Крук[1]

ВОЗМОЖНО ЛИ МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ БРИКС И ЗАПАДА?

Это парадокс: вы любезно пригласили представителя «читающего всем лекции гегемона» выступить по вопросу БРИКС и многополярности!

В Риме до сих пор сохранился *Domus Aurea*, «Золотой дом» (хотя и только малая его часть). Это был огромный комплекс, построенный императором Нероном на Оппианском холме после пожара, случившегося в 64 году н. э. Строился он на основе архитектуры древних египетских храмов. Его богато украсили изображениями птиц, пантер, цветов лотоса и божествами — опять же в египетском стиле.

Нерон изобразил себя фараоном в образе Ра (или, если хотите, Аполлона). Это был своеобразный мост между материальным и нематериальным мирами.

Через 70 лет от «Золотого дома» не осталось и следа. Его уничтожили: все разрушили, разграбили и засыпали землей; потом над ним что-то построили и о нем полностью забыли.

Переход к одномерному миру был уже на пороге.

Но затем в 1480 году молодой римлянин, прогуливавшийся по Оппианскому холму, провалился в странную пещеру, украшенную животными, растениями и разными фигурами. Он нечаянно упал во дворец Нерона.

Уже вскоре величайших художников Рима спускали вниз на веревках, чтобы они своими глазами увидели дворец. Рафаэль и Микеланджело заползали под землю через шахты, чтобы изучить то, что там находилось. Результат этой находки привел людей в возбуждение, был мгновенно оценен, к нему отнеслись очень серьезно.

Вот такой мир утратил Запад: разнообразие и метафизическое восхищение, которое вызывает древность.

После этой короткой «вспышки» началась эпоха Возрождения, и случайно всплыл текст *Corpus Hermetica* («Герметического корпуса»), известного с древнейших времен и, как считается, написанного мудрецом древности Тотом. Его перевели в 1471 году.

Эта новость тоже прокатилась по Европе. Казалось, что она, возможно, разрядит обстановку в период, когда была угроза войны между протестантами и католиками.

Дело было в том, что герметическое понимание общества и истории — мира — представляло собой интегрированную совокупность. Оно предлагало более холистическую перспективу; ту, которая может объяснить (а не аннулировать) противоречия между материей и реальностью.

Противоречия и противостояния в истории и понимании считались и продолжают считаться сегодня опасными и рассматриваются как угрозы установленному порядку. «Герметический корпус» предлагал иную точку зрения. Противоречия — это только множественность, проявляющаяся сама по себе. Если посмотреть на них правильно, то они подчеркивают органичное единство.

Но было слишком поздно: многовалентная революция не состоялась. Король Англии Яков I заплатил кальвинисту-радикалу Исааку Кейсобону, чтобы тот в 1614 году написал заказную статью о том, что проведенный им филологический анализ текста доказывает, что «Корпус» — это подделка, скорее всего, написанная христианами в Александрии.

---

[1] Основатель и директор геополитического и геофинансового аналитического центра Conflicts Forum (Великобритания). Бывший британский дипломат, экс-советник главы внешнеполитического ведомства ЕС по вопросам безопасности на Ближнем Востоке. Бывший советник Международного квартета по ближневосточному урегулированию, инициатор ряда соглашений о прекращении огня на оккупированных территориях от имени Европейского союза. Член консультативного совета Energy Intelligence (Нью-Йорк) и международной благотворительной организации Conflux Center (Белград). Автор книги «The Essence of the Islamist Revolution» и многочисленных статей по современным геополитическим и геофинансовым вопросам, связанным с Ближним Востоком, Европой, США и Россией.

Исконная египетская философия была полностью развенчана и признана еретической и колдовской. Она так никогда и не восстановилась. А к 1478 году началась испанская инквизиция.

Теперь мы знаем, что в «Корпусе» на самом деле нашли отражение элементы самых древних египетских учений, существовавших 4,5 тыс. лет назад, а то и раньше, и совершенно точно в первые годы Старого царства.

В любом случае герметисты были дискредитированы; некоторых сожгли заживо, а Европа оказалась разрушена и сломлена догмами и кострами инквизиции. Считается, что в период инквизиции и охоты на ведьм примерно 10 тыс. европейцев сожгли на кострах или утопили.

Сегодня Западная Европа снова охвачена навязываемой догмой, если точнее — эсхатологическим догматизмом. Израиль сегодня видит себя оплотом в борьбе против «конца всего» и, соответственно, вооружается и готов применять военную силу, чтобы сохранить свое ви́дение себя, и точно так же Европа, хотя менее правдоподобно, занимает «секулярную эсхатологическую позицию», чтобы раздавить Россию за то, что та отказывается принять «новую революцию нравственности» и возглавляет мировую контрреволюцию.

Современная Западная Европа подобна Санкт-Петербургу в начале 1917 года, после Февральской революции, хотя наши «большевики» уже давно прибыли на Финляндский вокзал (по крайней мере, в 1970-е гг.).

Мы в Западной Европе переживаем период революции и гражданской войны: история подсказывает нам, что гражданская война, как правило, продлевается пиковыми эпизодами, которые рассматриваются как «революция» (например, уличные протесты общественного движения «Жизни черных имеют значение»), но на самом деле являются альтернативными вариантами того же самого; идет долгое переключение между революцией и культурной войной.

Нельзя не заметить, как испортились характеры у американцев и европейцев в целом. Ушли спокойные, аргументированные и рассудительные дискуссии; теперь при обсуждении вопросов обычными стали крики, эмотивизм, обособление и дистанцирование от других. Это плохие знаки для будущего.

Предчувствие — это шестое чувство, инстинкт. Как сказал Такер Карлсон, «есть разгневанные люди, которые чувствуют, что у них нет выхода, которые не верят, что выборы настоящие ...».

Почему западное общество такое косное, почему оно неосознанно поддерживает сворачивание цивилизационных идей? На самом деле парадоксально, что половина западного общества видит и осознает революцию, при этом вторая половина сбита с толку и растеряна или просто не замечает происходящее. Никакого простого объяснения этому парадоксу нет.

Тем не менее то же самое происходило в Санкт-Петербурге. Генерал Петр Николаевич Врангель писал в своих мемуарах о том, как приехал в Санкт-Петербург в феврале 1917 года (после того как в поезде избил мужчину с красной лентой за оскорбление женщины). По прибытии он пришел в ужас при виде всеобщих беспорядков и изобилия коммунистической парафернали — и больше всего красных лент и флагов. Он писал о том, как был шокирован тем, что люди в целом и представители высших классов в частности вели себя так, будто все нормально: они «не обращали внимания на приближающуюся бурю».

Если выразиться прямо: похоже, что внешне вроде бы нормальное состояние ничего не говорит о том, что общество должно вот-вот развалиться.

В наши дни элиты тоже носят ленточку — только не красную, а радужную.

Американский мыслитель Кристофер Лаш, скончавшийся в 1994 году, незадолго до смерти пришел к выводу, что высший класс Америки по сути вышел из американской нации и эмигрировал в отдельную реальность, в которой вообразил распад существующего западного порядка во имя справедливости и возмездия.

Современный французский философ Эммануэль Тодд сходится с ним во мнении и в своей книге *La Défaite* («Поражение») высказывает предположение, что Америка теперь является не национальным государством, а нигилистской империей, где идет постоянное восстание против собственного прошлого, а правящая элита нацелена сломить доминирующее положение белых, синих воротничков и среднего класса в американском обществе.

Тодд отмечает, что раскол породил «захватывающий дух догматизма всей западной элиты, некий вид идеологического солипсизма, который не дает им увидеть мир таким, какой он есть на самом деле».

Тем не менее большинство людей на Западе до сих пор так и не видят этого; не могут признать, что цель революции (хотя она не скрывается) — это как раз обеспеченные члены среднего класса, которые носят ленточки (а не технократическая элита), культурная революция нацеливается на них: хочет сместить с их мест, подчинить и подвергнуть санкциям — в качестве возмещения ущерба за историческую дискриминацию и расизм; не за то, кем они являются сегодня, а за то, кем могли быть их предки. Для достижения этой цели — «смещения» преимущественно «белых выдохшихся мужчин» из западного среднего класса с их «привилегированных позиций», революционеры подвели идеологическую оппозицию к национальным границам и приветствовали открытие дверей для иммиграции.

В дополнение к этому произошел революционный переход от реальной производственной экономики (основного источника рабочих мест для «отбросов общества») к новой высокотехнологичной экономике, сосредоточенной на вопросах климата и подпитываемой искусственным интеллектом, той, которую эти новые разнообразные элиты находят легче поддающейся управлению, податливой и послушной.

Тем временем по этому сценарию «отбросы общества» из синих воротничков становятся экономически-

ми изгоями и «разменным» сектором по мере того, как реальная экономика неизбежно отмирает.

Нужно пояснить, что, когда идеология, открыто восставая против своего прошлого, объявляет, что «мужчина может стать женщиной, а женщина — мужчиной», таким образом явно провозглашая ложь, это имеет определенную цель. Очевидно, что ее намерением является подведение черты под западной (латинской) христианской традицией. Это тоже один из главных выводов Эммануэля Тодда.

Какие уроки из этого может извлечь БРИКС?

Во-первых, эти кумулятивные «переходы» требуют печатания денег в огромных количествах. Это было приемлемо и контролируемо, когда проект можно было финансировать при нулевой процентной ставке, но теперь у схемы есть ахиллесова пята — инфляция и резко возросшие процентные ставки. Экспоненциальный западный долг из-за финансирования «переходов» резко вырос и теперь угрожает привести всю «революцию» к финансовому кризису и падению уровня жизни.

Инструмент «свободных денег» многому способствовал, многое упростил, но оказался смертоносным. Он создал такое неравенство, которого люди не видели на протяжении жизни многих поколений (хотя знакомое россиянам, которые вспоминают 1990-е гг.), поляризованную политику и огромные финансовые пузыри.

Однако, во-вторых, поток денег открыл дверь новым СМИ: платформы, которые раньше полагались на продажу новостей, были заменены на те, которые представляют интересы рекламодателей, их волнует только привлечение внимания людей и продажа его тому, кто больше заплатит. Появилась новая «экономика внимания».

Властные слои это поняли и были счастливы. Поэтому, в-третьих, словам больше не требуются объективные значения. Все связано с «вниманием» — неважно, как его привлекают, истиной или ложью. Этого хотят рекламодатели. Слова могут означать то, что хотят обладающие властью люди. Истина не имеет значения, можно свободно врать.

В-четвертых, Запад, преднамеренно распространяя и навязывая морально пустую идеологию, которая не является привлекательной для большинства стран и культур мира, просто не представляет, какая огромная часть мира отвергает систему ценностей современного глобалистского неолиберализма. Она скорее отталкивает, чем привлекает людей. И поэтому западная номенклатура навязывает ее с удвоенной силой.

Поэтому перед нами встает вопрос: как глобальный многополярный блок справится с Западом, двигающимся к нравственному, политическому и, возможно, экономическому краху? Возможно ли мирное сосуществование БРИКС и Запада?

Выйдет ли Запад из своей культурной революции более сговорчивым потенциальным партнером БРИКС? Или развалится после долгой внутренней борьбы? Послевоенная история не воодушевляет: Запад пытался остаться единым целым, создав врага-маниихейца, чтобы сплотиться и объединиться для борьбы с ним.

Также история подсказывает, что хотя революционеры и могут прийти к какому-то согласию, но полностью они соглашаются редко и не возвращаются к старому конституционному порядку. Будет новый, может быть, в какой-то степени возвращение к конфедерации в США и Европе. Но сегодня это только рассуждения.

Суровая действительность состоит в дом, что революционеры в США богаты, владеют ключевыми институтами в обществе и рычагами принуждения. Проще говоря, удерживают командные высоты.

Да, зарождающаяся контрреволюция — в большей степени в США (но также и кое-где в Европе) — укрепляется; ее представители (поступая правильно или неправильно) демонстративно не желают отказываться от традиционных нравственных ценностей, они также не готовы брать на себя вину и подчиняться требованиям о «репарациях» за историческую несправедливость.

Вопрос здесь очевиден. Контрреволюции будет достаточно? В то время как Эммануэль Тодд считает, что все зашло слишком далеко и нет надежды спасти западную цивилизацию и повернуть часы назад, другие надеются, что все еще остается время, чтобы хоть что-то спасти. Посмотрим.

Что в таком случае является тем ядром, вокруг которого все-таки можно найти что-то общее между странами БРИКС и Западом?

Раскол с БРИКС частично произошел потому, что не-Запад сейчас очень четко понимает, что постмодернистский Запад — это не цивилизация per se (*лат.:* по сути, как таковая), а скорее нечто сродни механической «операционной системе» (управляемой технократии). Это не встраивается в план многополярности, поскольку речь больше не идет о цивилизации-государстве.

Европа эпохи Возрождения разительно контрастирует с нынешней, она на самом деле состояла из цивилизаций-государств, но в дальнейшем победил европейский нигилизм.

Сегодняшний миф о том, что Европа является наследницей высших ценностей со времен Афин — «От Платона до НАТО» — показал, что это фатальное тщеславие. Он подвергается различным преобразованиям и модернизации риторики и идеологических установок, заявляется, что Запад каким-то образом «побеждает», но новой риторике и идеологическим установкам не хватает убедительности.

Итак, мы добираемся до корня проблемы. БРИКС пытается договориться о мирном modus vivendi (*лат.:* способ существования) с западной сферой, и самым большим барьером здесь является то, что, будучи «самой собой», уникальной цивилизацией-государством, группа неотделима от существования в пространстве вопросов нравственности.

Недостаточно просто объявить, что нечто «является многополярным». Истинное неучастие означает то, что алжирский писатель Франц Фанон назвал «отчуждением» — готовность действовать; приглашение пред-

принять реальные шаги в направлении автономности и суверенитета.

Возможно ли для стран БРИКС устоять в «мире, расколотом на две части»? Вероятно, нет — по крайней мере, до тех пор, пока не начнется культурная война в США и Европе и хотя бы частично не решится этот вопрос. Быть членом западной финансовой системы, если говорить только об этом, становится очень проблематичным из-за социальной токсичности системы; но непреодолимое препятствие, если говорить простым языком, состоит в том, что главный стимул западной механистической эпистемологии исходит из телеологической антиморальности.

Если выразиться резко, то «новые ценности», которые мы сейчас видим, предназначены для того, чтобы вбить кол в традиционную культуру. Куда именно вбивается кол? Он вбивается в то общее, что есть у стран БРИКС в плане нравственных ценностей, то, что можно назвать чувствительностью к непостижимому. Большая часть современной западной мысли просто игнорирует объемы нашего нравственного сознания и отмахивается от него или как от спутанного, или незначительного и не имеющего отношения к делу.

Общим является то, что все цивилизации БРИКС используют строгую оценку. То есть они все обладают способностью отличать правильное от неправильного, справедливость от несправедливости, динамику, которая ведет общество вверх, от той, которая тянет вниз.

Наша способность различать добро и зло по ключевым вопросам заложена глубоко внутри. Но именно в этом страны БРИКС должны искать общее с Европой. Они должны говорить на таком языке нравственности, который будет резонировать с остатками нравственности, которые все еще не исчезли на Западе.

После повторного обнаружения *Domus Aurea* («Золотого дома») и *Hermetica* («Герметического корпуса») представители итальянского Возрождения считали, что заново соединились с древними по духу — это было освобождение после того, как Средние века принесли варварство и репрессии, а также закрыли европейский «разум».

Таким образом, когда флорентийский платонизм стал доминирующей точкой зрения, понятно, что художники типа Микеланджело, которых спускали в «Золотой дом», воспринимали его явную красоту как способ единения с более широким миром земной красоты. Их опыт рассматривался художниками того времени как земная завеса, сквозь которую мы различаем просвечивающие вечные человеческие ценности.

В таком случае нравственным откликом было, так сказать, подтверждение того, что значит быть человеком. И только над более поздним опытом было повешено темное эпистемологическое облако последующих эмпирических и рациональных теорий познания.

Страсти из-за подобного положения дел разгораются просто потому, что все то хорошее и истинное, что было в западной цивилизации, сохранилось и процветает в России. Это понимают, но об этом не говорят вслух, и это приводит в ярость западные элиты. И в частности, именно поэтому государства БРИКС смотрят на Россию как на лидера.

В некотором смысле Россия провалилась в пещеру на Оппианском холме в Риме, когда русские открыли двери церквей после периода правления коммунистов, и туда хлынули люди. Православие и традиционные ценности в какой-то степени являются самовоспламеняющимися. Россия искала свое «я».

Возможно, это в некоторой степени было принудительным, но благодаря тому, что Византия пала в 1453 году и пришел конец тысячелетней Римской империи, Россия оказалась в уникальном положении. Она теперь осталась единственной в мире православной христианской державой.

Из-за этого в некотором смысле образовалась историческая религиозная осада, невиданная в мире. Россия со всех сторон окружена исламом, римским католицизмом, турко-монгольскими каганатами, но стала прототипическим эсхатологическим гарнизонным государством — последним оплотом истинного христианства, и значение этого выходит за рамки слов, его в большей степени понимают сердцем.

Как я пытался показать, в Европе остались в памяти элементы мультикультурализма. У нас есть общие источники, восходящие к далеким временам. Надежда есть, но вначале мы на Атлантическом Западе должны освободиться от фарса, от сегодняшних сфабрикованных европейских ценностей.